

Людмила Улицкая: неоязычество и мы

В Риге прошла XIV ежегодная международная конференция памяти протоиерея Александра Меня, традиционно приуроченная к годовщине его гибели. Тема нынешнего форума, в котором приняли участие видные богословы, исследователи религии, государственные и общественные деятели была "Покаяние, прощение, примирение и ответственность".

Организаторами конференции выступили Национальная библиотека Латвии, Фонд Фридриха Науманна (Германия), Международный благотворительный фонд им. Александра Меня (Латвия), Международный благотворительный фонд им. Д.С.Лихачева (Россия), Гуманитарно-благотворительный фонд им. Александра Меня (Россия), Институт толерантности и Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. Рудомино (ВГБИЛ).

На пленарном заседании, темой которого стало определение понятия покаяния в контексте наступившего XXI века, большое впечатление на собравшихся произвел доклад писательницы Людмилы Улицкой "Неоязычество и мы". Мы публикуем текст этого выступления.

1. Порой бывает трудно определить, что чему предшествует: собственно жизнь с ее захватывающими событиями, научная или какая-либо иная концепция этой жизни или литературно-художественный проект, отражающий, как некоторые полагают, реальность. Несомненно, что между этими тремя разнородными явлениями существует связь, и порой очень трудно определить, где кончается хвост известной змеи и начинается ее голова. Человеческие мысли, поступки и осознание их связаны сложными взаимосвязями. Мы прекрасно знаем, что далеко не всегда мысль предшествует действию, поступку, и очень часто мысль появляется для оправдания или обоснования уже совершенного. Это рассуждение имеет отношение к главной теме разговора – о покаянии. Хочу подчеркнуть, что осознание покаянию предшествует.

Гораздо более крепко, чем узами любви, люди связаны между собой общей виной. Общая, групповая вина уменьшает долю личной до неуловимо малой величины. Потому что дробь получается очень убедительная: в числителе единица, а в знаменателе – несколько тысяч, миллионов. Чем большая армия совершает преступление, тем – как будто! – меньше ответственности на каждом отдельном человеке. И мы, люди, живущие в мире огромных чисел, утешаемся этой лживой бухгалтерией, в то время как счет идет по другому правилу: ты и твоя совесть. И никаких дробей. И никаких оправданий, сводящихся к тому, что в толпе стояло много народу.... Преступление часто бывает массовым, покаяние, по своей природе – персонально.

2. Успехи всех вместе взятых наук – биологии, психологии, информатики, компьютерного дела в его самом широком понимании – привели к тому, что само понятие личности, целостного «Я» расщепилось, размылось, и даже вообще поставлено под сомнение. Что есть его носитель – последовательность генов, трудноопределимая совесть, неуловимая душа или божественная искра, вживленная или данная взаимы куску живого мяса и нисколько ему не принадлежащая?

Если вынести за скобки ту часть «Я», которая присуща и животному миру, то есть сумму инстинктов самосохранения и продолжения рода, что такое собственно человеческая составляющая в человеке? Способность к самосознанию? Религиозное чувство (до недавних пор я так думала, а недавно посмотрела фильм о жизни слонов и поколебалась: мне показалось, что у них тоже есть проблеск религиозного отношения к смерти, по крайней мере)? Может быть, альтруизм (если мы не будем рассматривать защиту своих детенышей как альтруистическое действие)? Или вышеупомянутая трудноопределимая совесть, которая является инструментом измерения нравственности?

Однако, если нравственность мы выделим как качество, отличающее человека от животного, то очень большая часть человечества окажется вне систематики. При этом весьма существенно, что нравственный кодекс не един: десять заповедей не распространяются на все человечество.... Существуют иные программы добродетелей и пороков... Здесь мы легко приближаемся к «естественной религии» Вольтера, утверждавшего, что существует естественный фундамент нравственности и этики.

По этой дорожке, чуть погодя, мы подойдем к очень важной теме взаимоотношения тех, кто называет себя христианами, с теми, кого они считают язычниками.

3. Итак, мы с вами принадлежим к миру, который признает, хотя бы теоретически, что именно десять заповедей являются основой нравственности. Справедливости ради, следует вспомнить, что даже в самые безбожные времена в СССР десять заповедей не отменяли, - они были законсервированы в несколько измененном виде в «Моральном кодексе строителей коммунизма». Эти нравственные максимы не отвергались ни фашистским, ни коммунистическим режимами, но тем не менее небывалый в мире военный конфликт двадцатого века произошел между двумя странами, формально принадлежащими христианскому миру. Миллионы людей, главным образом, европейцев, в большинстве своем, христиан, были вовлечены в этот конфликт. Приходится признать, что либо вера во Христа как основание христианства не является гарантом нравственного поведения, либо ее, веры, вовсе и не было. А что представляет собой христианство, если вынуть из него эту составляющую? Медь звенящую и кимвал бряцающий, давно об этом сказано. То есть – ритуал, обряд, этнографию. Ровно то же самое, что имеет каждое из тех верований, которые мы называет общим названием язычество и которому приписываем много дурного, иногда заслуженно, часто незаслуженно, но почти всегда не вникая в то, что представляет собой чуждое христианству верование.

Главная трудность ожидает на самом пороге: противопоставляя эти два явления, мы не всегда оцениваем, в какой степени современное христианство несет в себе язычество, и в какой мере христианство в своей практике дает повод для развития неоязычества. Какие еще нити напряжения, кроме взаимного отрицания, связывают эти две противопоставляемые идеологии?

Кроме соображений общего порядка, с которыми я дерзну обратиться к столь высокообразованной аудитории не без смущения, в надежде, что моя писательская профессия до некоторой степени извиняет мое вторжение в эту специальную область знаний, я бы хотела поделиться также и опытом прочтения современной российской литературы, затрагивающей эту проблематику.

4. Каким же образом отрабатывается эта тема в сегодняшней российской литературе? Отрабатывается эта тема очень интересно, на разных уровнях, писателями разных стилей и воззрений, разного масштаба дарований и даже с разными намерениями. Сразу отмечаю в сторону эзотерическую дребедень. Имеются три серьезные писателя, которые добросовестно, честно и талантливо, каждый по-своему, коснулись этой темы: Владимир Сорокин, Виктор Пелевин, Людмила Петрушевская.

Сборник рассказов «Пир» Владимира Сорокина - самое, на мой взгляд, глубокое и исчерпывающее из его произведений, рассматривает наиболее болезненные точки современной цивилизации. Вообще, по моему мнению, в этом и состоит главная доблесть Сорокина: обладая феноменальным чутьем ко всему болезненному и патологическому, что есть в мире, он безошибочно указывает пальцем на язву. И не только указывает, - надавливает на гнойник, и гной, кровь, физиологические выделения брызжут струей в не всегда подготовленного читателя. Отсюда – большое количество людей, не принимающих Сорокинскую отталкивающей эстетики, отсюда же и множество поклонников, оценивающих именно точность удара.

Когда-то Сорокин высказался в моем присутствии, – дело было давно, поэтому за точность цитаты не отвечаю, но отвечаю за точность мысли: «Я занимаюсь разрушением табу». Это меня тогда ужасно резануло: зачем разрушать последние табу в мире, который и так едва стоит на ногах? Разумеется, всем нам известно, что культура живет в отрицании, новое рождается наперекор прошлому. Но, вместе с тем, культура представляет собой и палимпсест, старые надписи не стираются, все идет в ход, а новация очень быстро становится традицией, и процесс созидания идет об руку с процессом разрушения. По этой причине намерение сокрушить табу не вызвало у меня большого восторга: устаревшие табу отмирают сами собой. И тем не менее «Пир» – очень мощное произведение. Первый же рассказ сборника «Пир», «Настя» – программный. Тема жертвоприношения – вот что оказывается в центре авторского внимания. Если Бог отдал своего Сына Единородного в жертву, то ведь каждому родителю это доступно. И на пасторальном фоне не то дворянской усадьбы, не то коттеджа новых русских, разыгрывается мистерия принесения в жертву дочери, с последующей оргией и Преображением. Один из самых соблазнительных евангельских текстов – «Ешьте мою плоть», истолкованный многими комментаторами как метафора, Сорокин со вкусом разыгрывает на современный лад. Однако, этот современный лад одновременно отсылает нас и к древнейшим временам.

Этот Сорокинский удар так силен, что и козел отпущения там блеет, и тотемный зверь-бог, ритуально убиваемый охотничьим племенем и съедаемый в положенный день в году, брызжет кровью, раздираемый руками верных, и возникает острое желание «проверить» свою собственную веру: длинная тень языческого обряда достигает и до нашего алтаря. То, что для христиан есть радость встречи, единения, воспоминания о последней трапезе Иисуса Христа с его учениками, таинственная точка соединения человека с Богом, знак

взаимной любви Творца и твари, символизируемой совместным преломлением хлеба, смоченного вином, сильно омрачается этой Сорокинской ссылкой. Но у него есть основания, — самый ритуал представляет собой палимпсест, и есть такие древние слои, о которых мы в повседневности и не догадываемся, а если догадываемся, то отгоняем от своего сознания.

Далее, по тексту книги, предъясняется все, чему поклоняется современный человек, - все удовольствия, который он фетишизирует, представлены в сборнике как на блюде: секс, стол, стул...

Словом, всех, кто хочет заниматься критикой современного общества, кто желает детально исследовать, как оно со вкусом гниет и сгнивает — прошу к Владимиру Сорокину. Он делает это блестяще: остроумно, беспощадно, холодно, без всякого спуска и сострадания к «несчастному сукину сыну», по выражению Фолкнера.

Мне, откровенно говоря, всегда бывает этого самого «несчастливого сукина сына» жалко. Я видела кадры кинохроники, где освобожденные узники фашистского концлагеря разрывают на части спрятавшегося эсэсовца, и ужаснулась, как эти живые скелеты, еще котелка солдатской каши не съевшие, врывают глаза из живого негодяя. А на днях разъяренная толпа в Беслане разорвала человека, которого сочли террористом. Оказалось, что ошиблись.

Мне иногда хочется, чтобы Сорокин ошибся. Но он совершенно безошибочен в видении мерзостей, которые в девятнадцатом веке были «свинцовыми», а в двадцатом — из крови, мочи и кала. Двадцать первый предлагает усиленный вариант — то же самое, но детское...

Достаточно про Сорокина. Обернемся к Виктору Пелевину. Взгляд его обращен не назад, в историю культуры, а в сторону. В сторону Востока.

Это наш русский дзен-буддист. Из самых ранних. Все прочитал. Не в отрывном календаре. В полном объеме. Долго глядел на восток. И побывал там. Чувствуется разнообразный и непосредственный опыт: сам летал. Написал много интересного. Очень хорошо попал в мишень. Владеет самым современным инструментарием для полетов. Он по возрасту и по культурному уровню не принадлежит первому поколению людей в России, прочитавших Д.Т.Судзуки. Впрочем, его он, может быть, как раз и не читал. Когда Пелевин подрос, железные ворота раскрылись, и появились живые люди, живые практики: йога, айкидо, цигун. Практики оказались очень эффективны, помогали не только двигаться, но и думать, находить столь необходимые современному человеку состояния покоя, отрешенности, сосредоточенности... Молодежь буквально ломанулась на восток.

Мы в шестидесятые читали христианскую эзотерику, Мейстера Экхарда, Паскаля. Подбирались к Дионисию Ареопажиту, интересовались исихастами. Роскошное издание книги «Зохар» во французском переводе стояло в библиотеке покойного отца Андрея Сергеевского, но было нам не по зубам. Но о каббале, о структуре мира, о его кристаллической решетке, о иерархиях и сферах уже шел гуд. Признаюсь, я тогда даже всего доктора Штейнера пропахала в поисках духовных наслаждений. Не нашла.

А Виктор Пелевин нашел, но совсем в другой стороне света. Он оказался генералом армии русских мальчиков, которая, скривившись от имеющегося в наличии православия, отмаршировала в сторону индийской смоковницы, а потом и на иные просторы.

Почему тысячи молодых людей, отвергнув драгоценности христианства, ринулись за чужестранными алмазами? В чем состоит для них привлекательность буддизма, даосизма и многих их разновидностей? Меня, в отличие от наших православных иерархов, совершенно не волнует проблема конкуренции конфессий, экспансия католицизма, или протестантизма в виде евангелических общин, осваивающих российские просторы и отвлекающих россиян от родного православия, - честный поиск своего собственного пути отдельно взятого человека к Богу гораздо важнее статистических отчетов епархиальных отделов. Но понять, почему происходит такой откат вообще от христианства у молодежи, очень важно.

Упомянем общеизвестные вещи: службы на малопонятном языке, косность церковного сознания, постоянное движение церкви как институции в услужение государству, сервильность церковного начальства, непристойная для христианства пышность и богатство, ярким свидетельством чему является Храм Христа Спасителя, символ сегодняшнего православия. Люди, укоренные в православии, в христианстве, могут своим взглядом проникать глубже, через эту мишурную поверхность, и не упускают из своего сознания, из своей души ни литургического богатства, ни духовных драгоценностей, оставленных в наследство Серафимом Саровским и православными исповедниками и мучениками нового времени.

Молодые люди натыкаются в первую очередь на лубочные схемы «народной веры» — на утилитарную идею

загробного воздаяния в виде райских куш и посмертных страданий на горящих сковородках, на церковный догматизм и картонную идеологию. К этому добавляется глубокая агрессивность и церковный национализм.

Предлагаемая Востоком множественность возможностей личного пути, множественность самого мироздания, неограниченная свобода человека в поиске выглядят заманчивым предложением.

В этой точке возвращаемся к Пелевину, к его роману «Чапаев и Пустота». Он шагает за пределы того «мутного стекла, через которое мы видим как бы гадательно», демонстрирует, что мир можно представить себе поделенным не на «реальную» и «загробную» жизнь, а на множество иных реальностей, перетекающих из одной в другую, и человеческое существование оказывается заключенным не между понятиями «добра» и «зла», а простирается в иных измерениях, где самый путь человека и является высшей ценностью. Это - Махаяна. И не будем относиться к иным, чем наш, способам осмысления жизни как к заведомо ложным. Ощущать себя единственными держателями истины – свидетельство ограниченности.

Для тех, кто хотел бы немедленно возразить, что никакая религиозная система не может быть построена без фундаментальных понятий «добра» и «зла», напомним, что в основе буддийского миропорядка лежит сострадание и милость как высшие цели и земного существования человека, и космических начал мира.

Перевод грубого дуализма материи и духа, добра и зла, тела и плоти в схему более динамичную, диалектическую, парадоксальную, не имеющей в себе осуждения, но только принятие происходящего, оказался очень привлекательным для множества молодых людей, уставших от идеологизации и нравственного императива, звучащего как начальственный окрик сверху, - то ли от Господа Бога, то ли от начальственных людей, не вызывающих уважения.

Виктор Пелевин, таким образом, в своей замечательной книге «Чапаев и Пустота», совершил нечто подобное тому, что в свое время предложил Михаил Булгаков своим романом «Мастер и Маргарита»: Булгаков дал современный, сильно отличающийся от канонического, но написанный на живом языке и подверставший к старым проблемам новые, вариант «Нового Завета» - очень востребованную книгу, которая заставила отлученные от Евангелия поколения раскрыть его заново, Пелевин же дал популярную версию буддизма, написанную в исключительно увлекательном, языке сегодняшнего дня, остроумную и элегантную книгу.

Языческий, говоря нашим языком, мир обнаруживает свои черты, и они вовсе не кажется отталкивающими. Напротив, вызывает большой интерес.

А вот теперь мы подходим к самому важному, с моей точки зрения, событию в этой области – к роману Людмилы Петрушевской «Номер один или в саду других возможностей». Он вышел совсем недавно, весной этого года в издательстве ЭКСМО.

С самого начала разговора об этом авторе и этой книге, я должна сделать предупреждение, что я не ставила своей задачей давать литературный разбор или анализ тех или иных произведений, определять роль и место писателей в литературной шкале, но мне представляется, что Петрушевская, принадлежащая к поколению шестидесятников, - лидер, не имеющий равных и среди более молодых, разрабатывающих близкую тематику.

Если попытаться определить основную тему Людмилы Петрушевской, надо признать, что она была первооткрывателем: именно она, еще в шестидесятых годах, начиная со своих первых пьес, поставила чудовищный и безоговорочный диагноз тогдашнему советскому обществу: расчеловечивание человека. Я не знаю, было ли это раскрытие задуманной темы или стихийный творческий процесс, который не подчинялся теме, а вел и развивал ее. Думаю, последнее. Но это и не имеет значения. Имеет значение то, что одновременно с этим ужасным процессом расчеловечивания, свидетелями которого явились сначала наши деды, потом родители и впоследствии мы сами как очевидцы (не имея в прочем возможности судить изнутри самих себя - насколько этот процесс коснулся тебя лично!), Петрушевская год за годом, от пьесы к рассказу, от рассказа к роману развивала и углубляла эту линию.

Она болела этой темой, она страдала ею, признаться, я с трудом представляю себе, где может черпать источник жизненной силы человек, взявший на себя эту чудовищную, изнуряющую задачу. Противовес не восстановлен. Жизнь, предъявленная Петрушевской, безнадежна и темна. Всматриваться в эту картину – страшно и мучительно. Картина эта – необходима. Мы должны знать место, на котором стоим. Так выглядит христианская цивилизация двадцатого века.

Последний роман Людмилы Петрушевской – еще одно отчаянное свидетельство общего кризиса жизни человеческого общества и человека как морального существа.

Возможно, что всем людям свойственно профессиональное видение предмета: так, врач замечает у собеседника пожелтевшие белки и легкий тремор, художник – форму головы или цветовой диссонанс в одежде, я – как бывший биолог, во всех науках постоянно отмечаю их антропологическую составляющую, поскольку именно антропология и представляется мне самой главной, а, возможно, и единственной наукой, – ведь то, что мы называем наукой с самых древних времен, это прежде всего исследование человека о самом себе и о мире, который он наблюдает через каналы собственного сознания. То есть, допуская, что наш мир, изучаемый инопланетянами, к примеру, выглядел бы совсем иначе, чем тот, что представляется нашему взору.

В романе Петрушевской «Номер один или в саду других возможностей» как раз и представлены другие возможности видения мира, но не инопланетянами, а маленьким вымирающим северным народом, обитающим на территории нашей страны, – легкое смещение в сторону фантастического не меняет восприятия этой книги: мы уже привыкли, что жизнь нам предлагает то, что и самое смелое воображение не может предложить. Имеем повседневную возможность в этом убедиться.

Реальное положение северных народов – не то, которое описывается в книге Петрушевской, а имеющее место в нашей недавней и теперешней действительности – исследовалось моими бывшими коллегами антропологами. Общеизвестно: падение рождаемости, болезни, вырождение, алкоголизм, лишение местообитаний, пастбищ, скота, разработка полезных ископаемых в заповедных зонах, разрушение экосистем. Добавим сюда утрату национального языка. О религии северных народов – отдельно. Со времен христианизации севера шла борьба с местными верованиями, главным образом, шаманизмом. Вместе с христианством и его духовными ценностями происходило все вышеперечисленное, что определим как разрушение этноса. Хотелось бы знать, каков положительный итог христианизации этого пространства, особенно если принять во внимание, что христианизированный Север после революции подвергся второй волне культурного освоения, на этот раз – коммунистического.

Людмила Петрушевская, несомненно, все это знает. Но, кроме технического знания, она обладает еще и художественным знанием. И, более того, даром ужасающего художественного пророчества. Мы знаем, что служение пророка в мире двойственно: пророчество как предостережение и пророчество как предсказание. Пророчество, однако, произрастает не раньше, чем происходит понимание происходящего.

Герой Петрушевской, младший научный сотрудник, этнограф, убитый и находящийся в некотором промежуточном состоянии, в той фантастической реальности, которая описывается древними книгами мертвых и опытом сегодняшних путешественников – едоков грибов и кактусов, пишет записку.

Цитирую Петрушевскую:

«Теперь обязательно, мама: след. этап изучения нынешнее состояние России как рабовладельческого гос-ва. Наша задача этнографов. При Йоське Джугашвили был феодализм, теперь развитие рабовладельческого строя, плавно переходящий в первобытный (пещера, костер). Бомжи уже живут так и масс. переселенцы. Мы еще вспомним этого бухгалтера Карла Маркса нехорош. словами, как гов-л их Бисмарк, т.к. Карл трындел все наоборот, от пещеры к комм-зму.»

Именно этот мир, совершающий обратную эволюцию, предъявляет Петрушевская в своем романе. В его чертах просвечивает, узнается наша сегодняшняя реальность. Мир этот сгущен, перенасыщен реалистическими деталями и сюрреалистическим смыслом, фантастичен и правдив. Как это ей удастся, я не знаю. Мир погибающих. Но шаман знает о том, что погибает, и смиренно идет по своему древнему пути в преисподнюю земли, а младшие научные сотрудники – не знают. Не вполне знают. Они собирались поторговать древними тайнами северного народа, продать великий эпос уходящего племени за сколько-нибудь тысяч долларов, ну, сколько дадут, но и они подхваченные течением метемпсихоза, уже не знают, кто они, где они, зачем пришли, и остается одна мука непонимания и ледяной ад.

А мы то мечтали о Преображении. Господи Иисусе Христе! Спят, похрапывая во сне изнемогшие спутники, а Сын Человеческий в сияющих одеждах, в облаке светящегося воздуха, среди скромных беленьких бабочек, расцветших как звезды небесные, ступает по живой траве, и она не прогибается, не мнется под его ступней, и беседует он со своими давно умершими единоплеменниками Моисеем и Илией, и все они, кажется, бессмертные, но об этом точно не сказано... Проснувшиеся спутники изумились увиденному и, сильно смутившись, ничего лучшего не предложили, как построить им, сияющим, три шалаша.... Зачем Преображенным шалаш: от дождя, ветра, ночной темноты?

Я была на той горе спустя две тысячи лет. Под горой городок Фула. В нем тогда произошел теракт и погибли

две девочки-школьницы.

Историческая перспектива с Преображением в финале меня устраивает больше, чем версия Маркса - от пещерного человечества к коммунизму - или наоборот. Петрушевская рассматривает последнюю версию. Она выглядит в ее изображении очень убедительно.

5. Теперь, рассмотрев литературные свидетельства, мне бы хотелось продвинуться в своих рассуждениях несколько дальше.

В мире науки, как и в мире искусства, редко кому удастся строго сформулировать и разрешить конкретную задачу. Но даже в обозначении проблемы, в нащупывании ее границ и связей с сопредельными областями, в определении подходов есть своя ценность. Здесь речь идет не о разрешении задачи, - сколько в нашем мире вопросов без ответов, задач без решения и проблем, которые вообще не разрешимы в рамках наших возможностей. Во многих случаях сам очерк проблемы, даже без надежды найти ее разрешение, бывает полезен. Одна из таких болезненных тем – взаимоотношения христианства и язычества и, еще более остро поставив вопрос, – христианства и неоязычества. Мне кажется, что приведенные выше книги современных российских авторов, рассматривает, среди прочих, и эту тему.

Мир, которому мы принадлежим, называет себя христианской цивилизацией. В течение двухтысячелетней истории пространство это, сначала крошечное, локальное и провинциальное, расширялось географически и менялось содержательно. Мир, предшествующий христианскому, был римским. Можно сказать – греко-римским. Христианская цивилизация возникла не на пустом пространстве, многие ценности предшествующих поколений были впитаны, переработаны, адаптированы. Многие пороки – унаследованы.

Римская цивилизация была чрезвычайно толерантна во многих отношениях, именно тогда была проработана тема государства, права, закона, общественных институтов, и многие открытия, касающиеся политической и государственной структуры (в том числе и демократия, о которой так много говорится в последние десятилетия), сделаны были именно в этот предшествующий христианству период.

Рим интегрировал религиозные воззрения народов, входящих в огромную империю. Народы вступали в империю, а их божества пополняли римский пантеон, в котором находили себе место и божества египетские, и малоазиатские. На Ближнем Востоке произошел острый конфликт: маленький народ, исповедующий единобожие, высокомерно отказался от такого удобного принципа: мы примем вашего бога в общую компанию божеств, а вы потеснитесь и примите в ваш храм наших.... Войны тех лет в Палестине носили характер не столько антиримский (быть римским гражданином было удобно, выгодно, почетно), сколько религиозно-защитительный. Иудеи потерпели формальное поражение и ушли на долгое время в религиозное подполье, спасая упорное единобожие. История известна.

Христиане унаследовали от иудеев эту непримиримость к чужим богам. Они не были толерантны, платили ценой своей крови, многих мученических смертей за веру в Единого Бога. Они презирали толчею языческого пантеона. В каком-то смысле не им объявили войну, а они ее объявили. И победили: Римская империя, сменив имя, столицу, границы, язык, с 4 - го века, при императоре Константине объявила себя христианской. В какой степени это официальное заявление соответствовало реальности, - вопрос дискуссионный.

Наступило время многовекового существования язычества в недрах христианства. С того времени, как малая группа иудеев, считающих себя учениками Христа, перестала быть обособленной группой внутри иудаизма, оторвалась от иудейского корня, определилась как церковь христиан и начала свою проповедь в мире, раскрылись двери для иноплеменников, огонь христианства разгорелся по всему миру, язычество хлынуло внутрь христианства, проникло на самую сокровенную глубину, и сегодня требуются большие интеллектуальные усилия, чтобы обозначить границу не наружную, а внутреннюю: где кончается одно, начинается другое, где они сливаются воедино и вообще не могут быть разделены. Но именно с этого момента начиная, христианство стало универсальным – в римском смысле слова.

Христианство как мировая религия отрицало идею земного отечества и трактовало о Небесном. «Несть еллина и иудея», - утвердил апостол. Нет рода, семьи, то есть предпочтения крови, нет местного божества, и царь – не бог. Один только Христос – который всем Бог, всем – Отечество. Отсюда, между прочим, рождается логика антипатриотическая: принципы Божественные – то есть любви и справедливости, выше интересов групповых, то есть национальных, государственных, кастовых, семейных... Простите за упоминание столь очевидной вещи.

Если бы христианство было последовательным, мы бы не знали ни одной из тех войн, которые сокрушали

человечество с Рождества Христова до сегодняшнего дня.

Если квалифицированный историк или экономист, фыркнув, скажет, что никаких религиозных войн никогда и не было: испокон веку войны вели за территории, власть, влияние. Боюсь, что мне придется согласиться под давлением аргументов. Но все-таки трудно сегодня оценить, где причинено было больше ущерба: в войнах межхристианских или в войнах против язычников – индейцев всех толков, островитян, австралийцев, африканцев. Об индусах тоже можно упомянуть. В этом чуждом христианскому пространстве оказывается огромная часть человечества: Индия, Япония, Китай, в большой степени Африка.

Христиане привыкли к язычеству относиться весьма отрицательно. Естественно. Если за две тысячи лет даже в самой христианской среде не выработалось механизма толерантности друг к другу, если само разнообразие христианских церквей разных толков, симптом отсутствия единомыслия, служило источником раздоров и религиозных войн, что же говорить об отношениях с миром внешним, определяемым как «языческий»

Пока шла (и идет!) тихая религиозная война между православными и католиками, между православными и униатами, баптистами, евангелистами, новое поколение в поисках пути обращает свои взгляды на восток, в сторону буддизма, даосизма, индуизма. И причина довольно очевидна: практика христианской жизни сильно расходится с теорией.

Все это свидетельствует о глубоком кризисе христианства. Как всегда, очень трудно говорить, где здесь причина и где следствие, - вне всякого сомнения, это как раз тот случай, когда причинно-следственная связь начинает буксовать, но так или иначе, - христианство, приобретая общественное значение, утрачивает внутреннюю силу и привлекательность, и одна из причин этому – повсеместная подмена христианского универсализма христианством национальным. Христианство, отрицающее идею земного отечества и взывающее к Небесному, все чаще заменяется домашним, этнографическим христианством. В истории в течение многих веков происходила адаптация местных верований, зачастую к лицам святых причислялись мифологические и культурные герои, праздники, связанные с космическим циклом, вставляли в церковный круг наряду с двенадцатыми, и это не представляло опасности для церкви до тех пор, пока существовала критическая масса, и этой критической массой оставалось учение Христа. Нагорная проповедь, сердцевина этого учения, оттесняется на задний план. Я не рискую даже сказать, чем именно она заменяется. Анализировать, сколько именно «язычества» укоренилось в повседневной жизни церкви – не моя задача. Однако, именно принимая во внимание пронизанность христианского сознания языческими чертами, церковь оказывается бессильной в этой борьбе с язычеством. Если таковая рассматривается в качестве задачи....

Факт довольно очевидный: церковь делается все менее привлекательной для молодежи. И не то тревожит меня, что наши дети склоняются в сторону буддизма или даосизма: в той стороне они не встретят ни агрессии, ни ненависти. Но иногда поиск религиозной истины уводит людей в иные пространства, и далеко не всегда эти пространства нейтральны. Сегодняшний расцвет неоязыческого движения, охватившего многие регионы бывшего СССР, очень явный симптом. Растут националистические настроения вплоть до самых острых форм ксенофобии и расовой ненависти. Группа подростков в Петербурге убила таджикскую девочку, двое парней в Воронеже убили в подворотне пакистанского студента. Убивали «черных».

Снова в ход идут расовые теории, украинские националисты уже почти доказали, что Заратустра и Ницше имеют украинское происхождение, и даже нашли украинского питекантропа, и золотой век человечества, празднуемый украино-арийцами во времена скотоводческие и раннеземледельческие, как они полагают, исказили иудеи и христиане. В республике Мари-Эл воссоздается культ священных рощ, жертвоприношения лошадей, быков и домашней птицы, в Татарии и Удмуртии возрождаются жертвоприношения баранов. Баранов мне, признаюсь, не очень жалко – их съедят и так, и так.

Но опять Петрушевская не дает покоя: уж больно выразительно описала ритуальную казнь старой актрисы. Разрешите не приводить цитаты. Волнующие и пугающие совпадения обнаруживаются при сопоставлении отчетов, например, третьего конгресса российских этнографов и антропологов, проходившего летом 1999 года, и фантастическими подробностями, возникающими на страницах романа Петрушевской «Номер Один или в саду других возможностей».

Анализ ситуации, сделанный учеными, совпадает с картиной, нарисованной писателем. Остается только надеяться, что пророчество Петрушевской останется предостережением, а не предсказанием. История пророка Ионы, посланного возвестить городу Ниневии о его разрушении, оставляет нам некоторую надежду... Особенно если не думать о том, что и куст, дававший пророку благодатную тень, все равно в конце концов засох, и Ниневия была многократно разрушаема, а теперь на ее месте - чахлая деревня....

6. Пожалуй, это все, что мне хотелось сказать. Могу лишь добавить, что я принадлежу к поколению младших шестидесятников, из чего следует, что молодость моя проходила в хаотическом чтении и поиске пути, а выработка мировоззрения напоминала игру в паззл, при которой в качестве строительного материала отбирались кирпичики, которые нравились, и отбрасывались те, которые не нравились. Все мы дружно ненавидели марксизм, но не брали на себя труд прочитать Маркса. Не знаю, любила ли бы я его больше, если бы прочитала, но многие чрезвычайно важные вещи мы получили из рук в руки, в устной передаче, в частной беседе, в формате «отрывного календаря», как говорила Надежда Яковлевна Мандельштам. При таких условиях и речи не могло быть о выработке какого-то целостного мировоззрения. Следы этого «кухонного образования» многие из нас пронесли до зрелого возраста. К счастью, не все. Замечу в скобках, что сегодня я уже больше не тоскую о «целостности» мировоззрения. Успела примириться с бедностью собственных возможностей.

В шестидесятые годы произошла встреча с христианством, и несколько десятилетий я прожила в счастливом ощущении, что в моих руках универсальный ключ, с помощью которого открываются все замки. Обстоятельства были исключительно благоприятными, — я попала в сферу притяжения нескольких выдающихся людей, исповадовавших христианство.

Среди этих людей старшего поколения — лучшие люди, которых мне довелось встретить в жизни. Но были и другие прекрасные люди, которые христианства не исповедывали, были атеистами, скептиками, учеными, чье поведение по отношению к ближним было безукоризненным. Позднее я встретила нескольких иудеев, которые также явили собой замечательные примеры красоты, достоинства и нравственной высоты. И сегодня мне уже не кажется, что именно и только христиане обладают полнотой истины. Ненависть и невежество в нашей среде свидетельствуют против нас. Мир, полный насилия, создан нами и другими детьми Авраамовыми.

Покаяние, безусловно, очень сильная и очистительная вещь, но оно никак не может возникнуть прежде осознания. И в эту работу по осознанию мира и самих себя вносит свою малую лепту и сегодняшняя литература, даже если она представляет собой горькое и труднопереносимое лекарство.

Автор: Людмила Улицкая © ПОЛИТ.РУ ОБЩЕСТВО, МИР 👁 12357 29.09.2004, 13:10

URL: <https://babr24.com/?ADE=16129> Bytes: 34992 / 34981 Версия для печати Скачать PDF

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/@nsk24_link_bot)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/@tomsk24_link_bot)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/@babrobot_bot)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)